

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Гаркуша Лариса Михайловна

СОВРЕМЕННАЯ ГУСИТОЛОГИЯ В ЧЕХИИ.
СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Раздел 07.00.00 – исторические науки
Специальность: 07.00.03 Всеобщая история (средние века)

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

МОСКВА - 2007

Работа выполнена на кафедре истории южных и западных славян
Исторического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель - Доктор исторических наук, профессор
Людмила Павловна Лаптева

Официальные оппоненты - Доктор исторических наук
Марина Юрьевна Парамонова

- Кандидат исторических наук, доцент
Александр Валентинович Рандин

Ведущая организация: - Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского.

Защита состоится « » мая 2007 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета К. 501.001.16. по всеобщей истории в Московском
государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Адрес: 119899 ГСП, Воробьёвы горы, МГУ, 1-й учебный корпус
гуманитарных факультетов, 5-й этаж, аудитория 551.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ (1-й
учебный корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2007 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
Кандидат исторических наук, доцент

Т.В. Никитина

Общая характеристика работы

Гуситское движение в Чехии (1419-1485 гг.) представляет собой одно из наиболее значительных событий в истории Европы XV века. Как считает крупный медиевист Ф. Зайбт, гусизм открывает серию так называемых ранних революций в Европе, для которых характерно сложное соединение экономических, социальных, политических и идеологических факторов¹. Спецификой ранних революций является их религиозно-социальный характер.

Актуальность темы. Изучение истории науки является одной из наиболее актуальных проблем. Гусизм же имеет колоссальную историографию. Начало систематического исследования гуситского движения в Чехии было положено в середине XIX столетия выдающимся чешским историком Ф.Палацким. Им было найдено и описано много ценных источников, на основании которых он создал свой фундаментальный труд «История чешского народа в Чехии и Моравии»². Его исследование, написанное с позиций исторического романтизма, призвано обратить внимание современников на героическое прошлое страны в условиях национального возрождения. Гусизм он оценивает как наивысший этап развития Чехии, а его причины видит в противостоянии славянства и немцев.

Огромный вклад в изучение гусизма внесли представители позитивистской школы: В.В. Томек, Я. Седлак, особенно Я. Голл и его ученики. Они разыскивали и публиковали источники по гуситскому периоду и на их основе исследовали социально-экономические аспекты развития страны в гуситский период, состояние церкви в начале XV века. Для большинства из них характерна позитивная оценка гусизма в целом. Особняком в данном случае стоит Й. Пекарж, который в труде, посвящённом Яну Жижке³, оценил гуситское движение резко отрицательно. Й.Пекарж понимал гусизм как религиозное движение, появившееся из-за распространения в стране идей Виклифа, которое привело чехов в конечном счёте к национальной трагедии в XVII в. В самой стране, по его мнению, предпосылок для зарождения таких взглядов не существовало.

Совершенно противоположное Й.Пекаржу мнение имел З. Неедлы, который в своих последних работах⁴ пытался исходить из марксистских постулатов. З.Неедлы исследовал гуситскую культуру, при этом он уделял большое внимание радикальному лагерю и в нём видел главную движущую

¹ Seibt F. Revolution in Europa. Ursprung und Wege innerer Gewalt. Strukturen-Elemente-Exempel. Munchen, 1984. Подробнее см.: Рандин А.В. Чешская и немецкая реформация (некоторые аспекты взаимодействия)//Славяно-германские исследования. Т. I-II. М., 2000. С.138-149, 141.

² Palacký F. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě. D.I-VI. Praha, 1939.

³ Pekar J. Žižka a jeho doba. D I. Praha, 1927; D II. Praha, 1928; D III. Praha, 1930; D IV. Praha, 1933.

⁴ См., например, его фундаментальное исследование, посвящённое истории гуситской песни: Nejedly Z. Dějiny husitského zpěvu I-IV. Praha, 1954-1956.

силу революции, хотя он и не одобрял радикальный экстремизм пикартов и их поражение считал неизбежным.

Огромный вклад в исследование эпохи правления Иржи из Подебрад внёс Р.Урбанек. Его фундаментальный труд является до настоящего времени единственным обобщающим исследованием подебрадского периода⁵. Многие его выводы не потеряли своей актуальности до сих пор. Достаточное внимание в своих трудах он уделил положению шляхты. По его мнению, гусизм способствовал тому, что кризис данной сословной группы в Чехии наступил позднее, чем в других странах. Отдельные работы Р. Урбанек посвятил событиям, окружавшим Липанскую битву 1434 года, и военному искусству гуситов.

Различные аспекты гуситского движения анализировал Ф. М. Бартош. Среди его трудов можно найти исследования самого разного характера, он уделял внимание пражскому университету и идеологическим вопросам, гуситским манифестам, деятельности таборитских гетманов⁶.

После 1948 года наступил новый, социалистический период развития Чехословакии. Для него характерен повышенный интерес к гуситской проблематике, так как коммунисты считали себя преемниками революционного наследия таборитов. В спектре интересов исследований второй половины 40 и 50-х гг. оказалась социально-экономическая история Чехии в предгуситский и гуситский периоды, радикальное направление гуситского лагеря, особенно табориты. Учёные отталкивались от концепции Ф.Энгельса, сформулированной им в «Крестьянской войне в Германии». По мнению Ф.Энгельса, социальную основу гусизма составляло крестьянство, городской плебс и бюргерство. Поэтому именно эти слои населения оказались в центре внимания историков-марксистов. Однако наравне с авторами, писавшими в духе новой идеологии, продолжали работать представители старой, позитивистской школы (Р.Урбанек, Ф.М.Бартош). Продолжала существовать влиятельная конфессиональная историография, также позитивистская по методу. Достаточно назвать имена крупнейших историков: А.Мольнара среди протестантских и Я.Кадлеца среди католических исследователей. В определенном смысле «марксистскими» можно назвать только ранние труды Й. Мацека и Ф.Грауса, работы Р.Каливоды⁷ и его ученика М. Рансдорфа.

⁵ Urbánek R. Věk poděbradský. D. I. Praha, 1915; D.II. Praha, 1918; D.III. Praha, 1930; D. IV. Praha, 1962.

⁶ Творческое наследие Ф.М. Бартоша огромно, поэтому мы укажем наиболее значимые работы: Bartoš F.M. Literární činnost M. Jakoubeka ze Stříbra. Praha, 1925; Bartoš F.M. Literární činnost M. Jana Rokycany, M. Jana Příbrama, M. Petra Payna. Praha, 1928; Bartoš F.M. Husitství a cizina. Praha, 1931; Bartoš F.M. Čechy v době Husově 1378-1415. Praha, 1947; Bartoš F.M. Literární činnost M. Jana Husi. Praha, 1948; Bartoš F.M. Husitská revoluce. D. I. Praha, 1965. D.II. Praha, 1966.

⁷ Р.Каливода считал буржуазную революцию не единовременным актом, а долгим процессом, начало которого он видел в ликвидации феодальной церкви в гуситской революции и

Строго говоря, увлечение марксистскими идеями у чешских исследователей закончилось задолго до бархатной революции 1989 года. Многие авторы, чьи труды анализируются в настоящей работе, начали свою научную деятельность в 60-70-е годы XX века⁸ и уже тогда обозначили основные направления последующих исследований. Однако результаты их трудов, во многом новаторские, начали появляться только на рубеже 70-80 гг. XX столетия. В то же время появилось так называемое «молодое» поколение учёных, которые в настоящее время продолжают и развивают дело своих учителей⁹.

За последние 25 лет современными чешскими учёными накоплен значительный историографический материал, который ещё не получил оценки в трудах российских исследователей. Актуальность настоящей диссертации заключается в том, что впервые в отечественной историографии предлагается комплексный анализ трудов современных чешских учёных.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы по возможности полно проанализировать состояние чешской гуситологии с 1980 по 2004 гг. Выделив основные направления исследований, автор ставит перед собой следующие задачи:

1. Проследить состояние источниковой базы по гуситологии;
2. Показать, как рассматриваются социально-экономические вопросы в трудах чешских ученых в последние годы;
3. Проанализировать темы политического и идеологического развития Чехии гуситского периода в трудах современных чешских гуситологов;
4. Охарактеризовать работы, посвященные анализу оценки роли отдельной личности в гуситском движении.

Хронологические рамки работы во многом условны, так как первые ростки новых взглядов появились уже во второй половине 70-х гг., например, в публикации более широкого комплекса источников, издании сборника «Гуситский Табор» или дискуссии о сути чешского иконоборчества. На рубеже 80-90-х гг. XX века эти усилия вылились в настоящий поток гуситологических работ высокого уровня. Наиболее значительным является четырёхтомный труд крупнейшего чешского учёного-медиевиста Ф. Шмагела «Гуситская революция», опубликованный в 1993 году¹⁰. Именно в нём наиболее полно и

немецкой крестьянской войне. Фактически, гусизм в его интерпретации представляет собой раннебуржуазную революцию. В этой связи представляется важным отметить, что в соответствии с этой трактовкой Р. Каливода счёл необходимым продлить гуситский период до окончания правления Иржи из Подебрад. См.: Kalivoda R. Husitská revoluce a poděbradská epocha// Filozofický časopis 13/1965. S. 387-393.

⁸ К этой группе учёных относятся Ф. Шмагел, Ф. Кавка, П. Спунар, Й. Кейрж, Я. Эршил, И. Главачек, Р. Новы, Й. Краса, Э. Маур, А. Мика, Э. Петру, А. Видманова.

⁹ Наиболее часто в настоящей работе упоминаются П. Чорней, М. Поливка, Я. Боубин, Я. Чехура, Й. Юрок.

¹⁰ Šmahel F. Husitská revoluce. D.I-IV. Praha, 1993.

законченно представлена современная концепция гуситского движения, поэтому все исследователи гусизма в той или иной степени отталкиваются в своих трудах от «Гуситской революции». Верхний хронологический рубеж является естественной границей только для настоящей диссертации.

В методологическом плане автор опирался на всю совокупность общественного знания. Методологической основой диссертационного исследования стали ведущие принципы исторической науки – историзм, объективность, системность, комплексность.

В процессе работы над темой диссертационного исследования применялся проблемно-хронологический подход, позволивший проследить эволюцию взглядов чешских гуситологов, а также сравнительно-исторический метод, позволивший выявить то новое, что привнесли последние исследования чешских учёных, и оценить их важность.

В качестве основных источников в нашем распоряжении были обобщающие труды Й. Кейржа «Гуситы»¹¹, Ф. Шмагела «Гуситская революция» и П.Чорнея «Большая история земель чешской короны (1402-1437)»¹², в которых рассмотрены практически все проблемы, касающиеся гуситского движения. Кроме них использованы гуситологические сочинения современных учёных, опубликованные в Чехии, за исключением отдельных статей, изданных в малодоступных региональных сборниках. Материал разнообразен по своему характеру и включает в себя как обобщающие труды, так и конкретно-исторические публикации, источниковедческие исследования, статьи по частным вопросам. Исследования, опубликованные чешскими учёными в заграничных изданиях, в настоящей работе не анализировались.

Специальных историографических работ по данной проблематике в Чехии практически нет¹³. Определёнными ориентирами для нас послужили, как правило, обзорные историографические очерки, в которых предлагается анализ состояния чешской гуситологии последних лет, в связи с главной темой исследований их авторов. Среди таких работ можно выделить статьи Ф.Шмагела¹⁴, Т.Крзенца¹⁵ и Й. Кейржа¹⁶, а также рецензии на специальные работы, которые подчас носят информативный характер без подробного анализа трудов.

В статье Ф. Шмагела рассматриваются гуситологические работы с 1994 по 1997 гг. Автор сгруппировал их в соответствии с основными направлениями

¹¹ Kejř J. Husité. Praha, 1984.

¹² Čornej P. Velké dějiny zemi koruny české. Sv.V. 1402-1437. Praha, 2000.

¹³ Для чешской исторической науки в принципе не характерен большой интерес к историографической проблематике.

¹⁴ Šmahel F. Hussitica 1994/95-1997// Český časopis historický 95/1997. №.3-4. S. 702-740.

¹⁵ Krzenek T. Nejnovější literatura o Zikmundovi Lucemburském// Český časopis historický 95/1997. №.3-4. S.460-472.

¹⁶ Kejř J. Stav a potřeby bádání o husitství// Husitský Tábor 12/1999. S. 89-94.

исследований за эти три года и снабдил краткой характеристикой. Важно подчеркнуть, что в работе представлены труды не столько чешских, сколько иностранных авторов. Данный очерк стал продолжением общего историографического обзора по гуситологии, представленного учёным в первом томе его «Гуситской революции»¹⁷. Логическим завершением данного обзора стала оценка современного состояния чешской гуситологии, пробелов в исследовании и, как следствие, перспектив гуситоведения в Чехии.

Продолжением очерка Ф. Шмагела стала статья Й. Кейржа, посвящённая перспективам современной гуситологии. В отличие от Ф.Шмагела, который, в первую очередь, показывал, что уже сделано, Й. Кейрж попытался поставить цели для последующих исследователей. Автор высоко оценивает вклад, сделанный представителями предшествующего этапа историографии, особенно в исследовании проблем социально-экономического характера, но вместе с тем подчёркивает, что их оценки во многом однобоки. Задачу современных учёных Й. Кейрж видит в том, чтобы сформировать в сознании людей представление о гусизме как об идейном и культурном феномене, который всесторонне принадлежит не только чешской, но и европейской истории. Подчёркивается важность дальнейших публикаций исторических источников по периоду, особенно это касается источников, касающихся католического лагеря.

В нашей стране в последнее время не выходило обширных публикаций, посвящённых чешским исследованиям гусизма после 1980 года. Непосредственно этой тематике была посвящена статья известной российской исследовательницы Л.П. Лаптевой, а отдельные её аспекты затронули А.Н.Галямичев и А.В. Рандин. По этим работам можно получить представление о новых тенденциях, появившихся в современных исследованиях гуситского периода (на 1991 год)¹⁸.

В 1990 году в своём учебно-методическом пособии по истории Чехии Л.П.Лаптева¹⁹ впервые обращает внимание читателей на изменения, происходящие в направлении исследований в Чехии. По её мнению, они заключаются в трактовке гуситской революции как особого типа революций внутри феодальной формации. В этом контексте, по мнению Л.П.Лаптевой, современные исследователи справедливо подчёркивают, что битва у Липан 1434

¹⁷ Šmahel F. Husitská revoluce. D.I. Praha, 1993. S. 11-53

¹⁸ В соответствии с новыми взглядами современных чешских историков написаны и статьи автора настоящей диссертации: Гаркуша Л.М. Литература как инструмент борьбы за новые идеи в Чехии XV века//Сб.: Зарубежные славяне в прошлом и настоящем. М., 1999. С.37-56; Гаркуша Л.М. Сигизмунд Люксембургский (1368-1437) как политик//Вопросы истории славян 15. Воронеж, 2001. С. 49-68; Гаркуша Л.М. Новый подход в чешской историографии к источниковой базе гусизма (80-90-е годы XX века)//Вопросы истории славян 16. Воронеж, 2004. С.221-234; Garkuša L. Rozvoj české husitologie od r. 1989 do r. 2005//Husitský Tabor 15/2006. S. 319-367.

¹⁹Лаптева Л.П. Гуситское движение в Чехии XV в. Учебно-методическое пособие. М., 1990.

года стала поражением не революции, а отдельно взятой радикальной группировки, представлявшей собой тупиковую ветвь в гусизме.²⁰

В другой своей работе Л.П. Лаптева предложила краткий обзор, посвящённый освещению гуситского движения в современной чешской историографии (по 1991 г.)²¹.

В ней автор выделяет главные направления исследований чешских гуситологов и формулирует основные выводы чешских учёных, появившиеся после 1980 года.

Л.П. Лаптева отмечает, что в современных исследованиях понятие «гуситская революция» вытесняет понятие «гуситское революционное движение»²². Также ошибочным было представление о значительном ухудшении положения низшей шляхты на рубеже XIV и XV вв. Л.П. Лаптева обращает внимание и на переосмысление многих аспектов развития Табора. В отличие от Й. Мацека, считавшего битву у Липан (1434 г.) концом гуситского движения, и исследовавшего только первые годы существования Табора, современные учёные уделяют внимание всем аспектам развития города вплоть до второй половины XV века. Они пришли к выводу, что основные условия жизни новой общины вступили в противоречие с возвышенными планами её вождей – создать «божье царство» равноправных людей, не знающих эксплуатации, имущественного неравенства, властей и церкви. Таким образом, необходимость обеспечения войск, управления и обороны закономерно привели к ликвидации первоначально революционно-плебейской коммуны.

Как подчёркивает Л.П. Лаптева, изменилось отношение чешских учёных и к «заграничным» походам таборитов и сирот, которые прежде расценивались только как «агитационные». Вопрос о каких-либо иных целях походов послевоенной историографией даже не ставился. В реальности же целью этих походов было не только «устрашение» соседей демонстрацией своей военной силы, но и пополнение запасов, дефицит которых в Чехии сильно ощущался. По мере разложения Табора экспедиции нередко принимали откровенно мародёрский характер, хотя гуситы и не забывали об идейной стороне дела – защите и пропаганде революционной программы. Современная точка зрения, заключает Л.П. Лаптева, сводится к тому, что, хотя гуситские войска были главной силой знаменитых побед, хотя им принадлежало первенство в борьбе за радикальную программу, однако необходимость содержания армии за счёт реквизиций и – тем более – мародёрство привели к падению популярности

²⁰ Наиболее полно необходимость расширения верхней границы гуситского движения до 1483 года обосновывается в 2001 г. в работе Ф. Шмагела: Šmahel F. Husitské Čechy. Struktury. Procesy. Ideje. Praha, 2001. S. 139-140.

²¹ Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970-1990)//Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С. 77-95.

²² Там же. С. 86-87.

«гуситских бойцов», разложению внутри войск, изоляции армии от народа. Эти обстоятельства и обусловили поражение таборитов в битве у Липан и завершение радикальной фазы движения.²³

Указанная работа Л.П. Лаптевой не теряет своей актуальности до сих пор. За это время отмеченная выше концепция утвердилась в Чехии, и составляет основу фундаментальных исследований ученых, как в стране, так и за рубежом.

В начале 90-х годов XX века попытку разобраться в сущности гуситского движения предпринял известный специалист по либерально-позитивистской историографии гусизма второй половины XIX в. А.Н. Галямичев²⁴. Он подчеркнул, что при выявлении причин и характера гуситского движения важным является анализ эволюции чешского города в достаточно длительной временной перспективе, и обратил внимание на недостаточную изученность этой проблематики²⁵.

Характеристика новейшей литературы по ряду проблем содержится и в работах А.В. Рандина²⁶. Им, в частности, исследована современная литература, посвящённая гуситскому архиепископу Яну из Рокицан, а также дан сравнительный анализ советской и чехословацкой историографии гусизма 60-80 годов XX века. А.В. Рандин обратил внимание на отставание советской историографии от чешской по ряду принципиальных вопросов, и раскрыл позицию современной чешской историографии по ним. В совместном исследовании Е.Д. Кульшетов и А. В. Рандин подробно охарактеризовали подходы современной чешской историографии, так как в советской историографии ещё на тот момент (1991 г.) предлагалась марксистская точка зрения. Одним из важнейших, по мнению авторов статьи, стал вывод чешских учёных о постоянной эволюции взглядов основных лидеров гуситского движения, что наиболее ярко отражают результаты новейших исследований Табора и трудов консервативных утраквистов²⁷. А.В. Рандин охарактеризовал и новые подходы современных чешских историков в плане включения гуситской

²³ Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении... С. 89-90.

²⁴ Галямичев А.Н. К проблеме истолкования сущности гуситского движения//Из истории социально-этических и политико-правовых идей. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1990. С.118-125.

²⁵ В дальнейшем именно А.Н. Галямичев исследовал историю развития чешского города, см.: Галямичев А.Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X — начала XIII в.). Саратов, 1995.

²⁶ Рандин А.В. Гуситский архиепископ магистр Ян Рокицана//Вестник МГУ, сер. 8. история, №3, 1994. С. 50-62; Кульшетов Е.Д., Рандин А.В. Советская историография гуситского движения//Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.64-77.

²⁷ Кульшетов Е.Д., Рандин А.В. Советская историография гуситского движения// Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.64-77. – см. С. 70-71.

революции в контекст общеевропейской реформации (теория «первой» и «второй» реформации, сформулированная А. Мольнаром и Р. Каливодой)²⁸.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в отечественной историографии предлагается комплексный анализ трудов современных чешских учёных, которые и составили источниковую базу предлагаемой работы.

Практическая значимость работы. Исследование может быть использовано при написании как обобщающих, так и конкретных трудов по истории гуситского движения. Материалы исследования могут стать основой при разработке учебных пособий, лекционных и специальных курсов по истории гуситского движения.

Апробация темы. Диссертация была подготовлена и обсуждалась на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Основные теоретические и практические положения диссертации изложены в ряде публикаций (в том числе и в зарубежных периодических изданиях), докладах автора в выступлениях на VI и VII Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов (г. Сыктывкар) в марте 1999 и марте 2001 и Ломоносовских чтениях 2002 г.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырёх глав и заключения. Работа снабжена примечаниями, списком использованных источников и литературы и списком сокращений.

Основное содержание работы

Во введении дана общая характеристика проблематики исследования, обоснована актуальность и научная новизна темы диссертации, определены цели и задачи, хронологические рамки и методологическая основа, источниковедческая и историографическая база работы.

Первая глава работы посвящена анализу состояния источниковой базы и источниковедческим исследованиям в современной гуситологии. Среди ведущих направлений деятельности чешских гуситологов в последние годы можно назвать: обнаружение и публикация новых документов, анализ и коррекция датировки уже введённых в научный оборот материалов. Их характер весьма разнообразен, от весёлых злободневных частушек до серьёзных полемических произведений. Наиболее полно гуситский период представлен в нарративных источниках (хроники, дневники, корреспонденция и др.) и публицистике (религиозные трактаты, манифесты, инвективы, сатиры и др.).

²⁸ Рандин А.В. Чешская и немецкая реформация... стр.136-140.

Среди важных документов, изданных в последние годы, можно назвать «Гуситские манифесты» (А. Мольнар, 1980), собрание документов и хроник (И. Главачек, 1981), «Историю города Пльзень» Гилария Литомержицкого (Й. Гейниц-М. Поливка, 1987), «Чешскую историю» итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини (в 1458-1464 гг. римского папы Пия II) (Ф. Шмагел, 1998), «Жизнь таборских священников» одного из выдающихся лидеров гусизма Яна из Пршибрама (Я. Боубин, 2000), а также продолжение публикации трудов Гуса в серии «Opera Omnia» и Архива Пражского Капитула²⁹.

Очень своевременной была публикация хроники Энея Сильвия Пикколомини, выполненная Ф. Шмагелом на высоком научном уровне, удовлетворяющем всем требованиям критического издания источников. Отказавшись от привычной формы примечаний по тексту с исправлением неточностей, так как для этого потребовалось бы отдельное сочинение, Ф. Шмагел предложил добротный вводный очерк, в котором подробнейшим образом характеризуется информация о биографии Энея Сильвия, его политической и литературной деятельности, уровне знания Энеем Сильвием Пикколомини гуситской проблематики, о процессе создания «Чешской истории», а также о степени репрезентативности произведения гуманиста. Подчеркивается, что многие данные, содержащиеся в хронике, уникальны.

Среди наиболее важных событий последних лет следует упомянуть и критическую публикацию главного труда одного из незаслуженно забытых деятелей гусизма Яна Пршибрама. Издание приурочено к его 550-летию (декабрь 1998 г.) и выполнено на высоком научном уровне. Ученик и последователь Гуса, Пршибрам впоследствии был признанным вождём консервативных гуситов. Однако за последние годы до сих пор ему не было посвящено ни одного подробного самостоятельного исследования. Издатель источника - чешский исследователь Я. Боубин даёт критический разбор произведения, его концепции, стиля, структуры, биографические данные о магистре Яне из Пршибрама, а также описывает историю возникновения труда. Критическое издание данного трактата имеет большое значение, так как свидетельствует об усилении внимания исследователей к истории консервативного крыла в гусизме и расширяет источниковую базу для его изучения.

²⁹ Hejnic J. - Polívka M. Plzeň v husitské revoluci. Hilaria Litoměřického «Historie města Plzně», edice a hist. rozbor. Monographia historica Bohemica, sv.3. Praha, 1987; Aeneae Silvii Historia Bohemica – Enea Silvio Historie česká. K vydání připravili a z latinského originálů přeložili D. Martínková, A. Hadravová a J. Matl. Úvodní studii napsal F. Šmahel. Praha, 1998; Jan z Příbramě, Život kněží tábořských, vydal J. Boubín, Příbram, 2000; Mistr Jan Hus, Drobné spisy české (Magistri Ioannis Hus, Opera Omnia. T.IV)/Připraveno péčí Komise pro vydávání spisů M. Jana Husa ustavené vědeckým kolegiem historie ČSAV. Praha, 1985; Mistr Jan Hus, Česká sváteční kázání./K výd. připravil J. Daňhelka. (Magistri Ioannis Hus. Opera Omnia. T.III). Praha, 1995; Eršil J.–Pražák J. Archiv pražské metropolitní kapituly II. Katalog listin a listů z let 1420-1561. Praha, 1986.

Одной из актуальных проблем современного источниковедения остаётся установление авторства и аутентичности источников.

Большой вклад в работу с источниками внесла А.Видманова. Наиболее значимым является исследование, проведённое А.Видмановой совместно с Б.Копичковой («Грамоты в защиту Гуса – конец одной легенды?») ³⁰. Оно посвящено установлению происхождения комплекса документов, состоящего приблизительно из 20 грамот. Считалось, что они возникли около 1411 г и адресованы папе Иоанну XXIII, коллегии кардиналов и кардиналу Оддо Колонне, который вёл процесс против Гуса. Считалось, что грамоты были написаны представителями чешской знати, пражских городов и Пражского университета, и некоторые даже от имени Вацлава IV и его жены королевы Софьи. В ходе всестороннего анализа источников, исследовательницы пришли к заключению, что коллекция, которая, по устоявшемуся мнению, собиралась неким последователем Гуса, на самом деле не что иное, как упражнения пражских студентов факультета свободных искусств под руководством Яна Кардинала из Рейнштейна (20-е гг. XV века) или Яна Боротина (начало 30-х гг. XV века). Никакого отношения к Гусу и его наследию грамоты не имеют, и с этой точки зрения ценности не представляют. В новом же качестве эти грамоты, безусловно, интересны и содержательны.

В последние годы внимание чешских учёных - источниковедов также всё больше обращается к архивам соседних с Чехией земель, прежде всего, немецких. Это можно объяснить изменением взгляда на католический лагерь как на монолитное целое. Данная точка зрения была характерна для социалистического периода. В последние годы установлено, что католический лагерь составляли группы, преследовавшие разные цели, что во многом объясняет успех гуситского движения. Изучение этих вопросов предполагает новое осмысление источниковой базы. Как важный вклад в развитие темы можно оценить работу М. Поливки с архивными документами Регенсбурга и Нюрнберга ³¹.

Вторая глава состоит из двух параграфов и посвящена оценке современными чешскими гуситологами социально-экономического развития гуситского периода.

В первом параграфе характеризуется развитие социально-экономической проблематики в творчестве ведущих чешских гуситологов Й.Кейржа, Ф.Шмагела, П.Чорнея. Исследование Й.Кейржа «Гуситы» вышло ещё в 1984 году и его можно охарактеризовать как переходное. В труде уже не ощущалось

³⁰ Kopiczková B. –Vidmanova A. Listy na Husovu obranu z let 1410-1412. Konec jedné legendy? Praha, 1999.

³¹ Polívka M. Přípravy vojenských kontingentů města Řezna// Medievalia Historica Bohemica 3/1993. S. 253-265; Polívka M. Znovu ad fontes. Husitské Čechy v norimberských pramenech// Český časopis historický 1/1999. S.19-36.

идеологического давления, впервые затронуты многие проблемы, в том числе вопросы культуры, элементы правового менталитета общества. Й.Кейрж рассматривает гусизм в очень широком контексте, отмечая его связь не только со средневековыми религиозными движениями, но и с последующей реформацией. Проследив ареал распространения гусизма, Й. Кейрж выявил, что движение быстрее распространялось в областях, имевших прочные сектантские корни: Прага, Южная Чехия, Градец Кралове (Восточная Чехия). Книга охватывает период от смерти Карла IV (1378) до избрания Иржи из Подебрад королём Чехии (1458). В работе подробно освещаются социальная структура дореволюционной и революционной Чехии, падение духовной монополии католической церкви, проблемы культуры, элементы правового мышления общества, причины поражения левого крыла революции в битве у Липан, главные тенденции развития чешского общества после Липан вплоть до Кутногорского мира 1485 года. На многие из этих вопросов автором найдены оригинальные, подчас неординарные решения и оценки, отличающие книгу от предшествующих обобщающих работ, посвящённых кульминации средневековой чешской истории. Й. Кейрж не только обобщил научные знания о гуситской эпохе, но и выразил собственное её понимание. Автор подчёркивает неразрывную связь гуситского взрыва с формой средневекового мышления, интерпретировавшего все действия морали в религиозном духе. Именно поэтому, по мнению Й. Кейржа, социально-политический конфликт получил религиозную форму³².

Й.Кейрж тщательно исследует условия формирования гусизма в Чехии, подчёркивая влияние не только экономических факторов (уменьшение численности населения вследствие эпидемий и усиление за счёт этого его эксплуатации), но и последствие подавления религиозных сект инквизицией, в первую очередь, вальденсов. Автор обращает внимание на то, что гусизм имел наибольшую поддержку населения именно в тех областях, где до этого прослеживалось распространение учения вальденсов. При этом города оказывали серьёзное сопротивление инквизиции не столько из-за стремления защитить еретиков, а потому, что видели в действиях инквизиции посягательство на свои судебные полномочия.

Характеризуя экономическое развитие в разгар гуситского движения, Й.Кейрж обращает внимание на проблемы городов, в том числе вызванные колебанием цен на имущество, изменение их социального состава, эволюцию Табора. Ухудшению экономического положения в стране также способствовало, по мнению Й.Кейржа, уменьшение добычи серебряной руды в связи с истощением рудников, а также экономическая блокада³³.

³² Kejr J. Husité... S. 36-38.

³³ Исследования, в которых эффект блокады оценивается иначе, появились уже после публикации книги Й.Кейржа.

Влияние старых концепций и взглядов прослеживается и в оценке Й.Кейржом последствий Липанской битвы, которые он трактует резко негативно. По его мнению, последствия Липанской катастрофы сравнимы только с Белогорской битвой (1620), после которой Чехия фактически лишилась независимости. В 1434 же году поражение потерпела гуситская демократия, была уничтожена сильнейшая армия, главный аргумент гуситов в споре с католиками.

Хотя по своему характеру работа носит научно-популярный характер, до выхода в свет «Гуситской революции» Ф. Шмагела она заменяла обобщающее исследование по периоду.

Четырёхтомный труд Ф. Шмагела «Гуситская революция» представляет собой фундаментальное исследование ключевых аспектов гуситского периода. Ф.Шмагел подчёркивает, что гусизм представлял собой революцию перед революциями, первый этап европейских реформаций и революций, причём термин «революция» не ограничивается только отношением к ранним формам капитализма, как утверждали историки марксистского направления³⁴. Далее автор анализирует эволюцию пражских волнений в период с 1419 по 1483 гг. и доказывает общность их происхождения. Важно, что Ф. Шмагел первым объединяет все политические изменения в Чехии вплоть до 1485 года, включая восстание в Праге 1483 года в «гуситский период».

По его мнению, победа пражских утраквистов в восстании способствовала установлению религиозного мира (религиозный мир, заключённый на Кутногорском сейме 13 марта 1485), стабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране и установлению, по выражению Ф. Шмагела, «толерантности по необходимости».

Учёный вкратце обрисовывает основные этапы развития европейского общества в XIV - начале XV веков и рассматривает некоторые социально-политические противоречия с конца XII века вплоть до XIV, в которых обнаруживает аналогии гусизму. При анализе внутренних процессов, способствовавших формированию гуситского движения, Ф. Шмагел уделяет внимание эволюции чешского государства и всем слоям общества (духовенству, высшей и низшей шляхте), а также городскому и сельскому населению в ходе революции, структуре управления гуситских общин и экономической жизни в ходе военных лет.

Учёный подчёркивает, что социальные конфликты в ряде европейских стран были намного острее, в то время как в чешских землях «имеющиеся на сегодняшний день данные по предгуситскому периоду не свидетельствуют о возрастающем классовом перенапряжении, которое поднимало бы бурные волны коллективных столкновений в чешской и моравской деревне»³⁵.

³⁴ Kejř J. Husité... S. 75.

³⁵ Šmahel F. Husitská revoluce... D.I. S. 447.

Ф.Шмагел не умаляет тяжести кризисного состояния в Чехии на рубеже XIV-XV вв., подчёркивая, однако, что положение в Чехии не отличалось от положения в остальных государствах средневековой Европы³⁶. Он показал, что кризисные явления, которые можно выделить в чешских землях (войны из-за добычи, эпидемии чумы, противоречия между светской и духовной ветвями власти, концентрация земель в руках церкви, её моральное разложение и др.), существовали и в других европейских государствах. Там время от времени раздавались голоса негодования подобно тому, как это было в Чехии. По мнению Ф. Шмагела, очень серьёзным фактором обострения ситуации в Чехии стала эпидемия чумы, пришедшая в Чехию с запозданием по сравнению с Западной Европой, в конце XIV века. Это вызвало и запоздание процессов, аналогичных западным. Их появление, таким образом, совпало с апогеем церковного кризиса, усугубив, тем самым, ситуацию в стране.

С новой точки зрения Ф. Шмагел проанализировал проблематику условий жизнедеятельности сельского населения, подчеркнув разнообразие имущественных отношений, постоянную эволюцию податных и барщинных повинностей. Отдельно обрисовав разновидности сельских наёмных работ, учёный обратил внимание на необходимость дальнейшего более глубокого исследования зажиточных крестьян.

Ф. Шмагел констатирует типологическое сходство гуситской революции с реформационным движением в Германии, отмечая, что радикальная гуситская мысль пришла, по меньшей мере, к той же степени отрицания феодального строя, как и на сто лет позднее идеология сельско-плебейского крыла немецкой реформации; взгляды Петра Хельчицкого зашли намного дальше³⁷.

Наибольшую выгоду от гусизма, по мнению учёного, приобрели дворяне, причём как уtrakвисты, так и католики, совместными усилиями толкавшие страну центрально-европейскому типу сословной монархии³⁸.

Характеризуя положение католической церкви в гуситский период, Ф.Шмагел обращает внимание на один аспект, который в предшествующий период замалчивался: среди защитников католицизма в Чехии большинство составляли чехи, а не немцы³⁹. Но поддержку в своей борьбе с гуситами они получали из соседних католических земель. Ф.Шмагел подчёркивает, что гусизм доминировал в Чехии только в период своего апогея, а к моменту смерти короля Иржи Подебрадского в стране установилось равенство сил католицизма и уtrakвизма.

³⁶ Šmahel F. Husitská revoluce... D.III. S.134-135, 198, 300.

³⁷ Ibid. D.IV. S.163-164.

³⁸ Ibid. S. 159.

³⁹ Подробнее об этом см.: Šmahel F. Pražská církevní provincie ve víru husitské revoluce// Acta Universitatis Carolinae. Historia Universitatis Carolinae Pragensis (AUC-HUCP) 31/1991. №1. S.107-115.

Самый тяжёлый удар, по мнению Ф. Шмагела, гусизм нанёс институту монашества в Чехии. Многие монастыри безвозвратно потеряли хранившиеся в них ценности, в том числе архивы и древние рукописи. Одни сгорели в ходе военных действий, другие были переведены в более безопасные места и остались там навсегда. Только некоторым монастырям удалось спрятать свои сокровища, чтобы потом вновь обрести их в целостности и сохранности. Многие монахи отправились в эмиграцию, и нашли приют в монастырях своего ордена за границей, некоторые в ходе странствий утратили связь с орденами.

Особо Ф. Шмагел подчёркивает, что имущество духовенства пострадало не только в гуситских регионах, но и в католических владениях, где также имела место скрытая секуляризация в форме «защиты» или «опеки» со стороны влиятельных феодалов, на которую духовенство было вынуждено соглашаться.

Практически никаких выгод гуситское движение не принесло крестьянам. Ф. Шмагел подвергает сомнению мнение, существовавшее в предшествующие годы. На основании марксистской концепции, чешские учёные были вынуждены отдельные воззвания хилиастов, выявленные и отвергнутые пражскими магистрами в 1421 г., выделить в «программу» и констатировать улучшение положения сельского населения. Ф. Шмагел считает, что эти лозунги имели мало общего с гуситской программой, а единственное, что могло существенно улучшить состояние крестьян, это отмена церковной десятины. В остальном, улучшение жизни для крестьян происходило только когда они меняли свой социальный статус, становясь военными или горожанами. Ничего более крестьянство и городская беднота не получили, несмотря на то, что их участие в событиях гуситской революции было наиболее весомым. Однако, заключает автор, феодальное общество того времени и не могло допустить существенных изменений в сложившемся порядке.

Резюмируя сказанное, Ф. Шмагел приходит к заключению, что гусизм является первым звеном в цепи европейской реформации.

П. Чорней принадлежит к «молодому поколению» чешских исследователей. Его работы базируются на концепции Ф. Шмагела, однако П. Чорней более глубоко исследует социальные процессы, происходившие в Чехии, уделяя большое внимание причинам гуситского движения, а также внутреннему развитию страны в годы революции⁴⁰. Оценивая социально-экономическое развитие Чехии в период гуситского движения, П. Чорней подчёркивает сложность ситуации, в которой оказалась страна. Эпидемии, по мнению П. Чорнея, отразились не только на экономике страны, сократив численность и пропорциональное соотношение населения, но и изменили сознание людей, обратили их к вере, вплоть до мистицизма. Официальная церковь, занятая проблемой раскола, не могла удовлетворить тягу народа к религии, поэтому на первый план выдвинулись проповедники, призывавшие к

⁴⁰ Čorněj P. Velké dějiny zemi koruny české. Sv.V. 1402-1437. Praha, 2000.

чистоте веры⁴¹. Также в монографии подчёркивается значение человеческого фактора, то есть влияния гусизма на повседневную жизнь людей в период гуситского движения. Эпидемией обусловлен был и трагизм правления Вацлава IV, потерявшего помощников, приготовленных ему отцом, и соратника в лице архиепископа Пражского Яна из Енштейна, который не только поддержал «не того» папу, но и сам из блестящего царедворца превратился в религиозного фанатика и начал оказывать противодействие политическому курсу короля.

К новому и важному с нашей точки зрения следует отнести анализ положения национальных меньшинств в гуситской Чехии, которому в предшествующий период не уделялось достаточного внимания. Подчёркивается, что национальная принадлежность для гуситов имела важное значение наряду с верой в качестве критерия размежевания в гуситском обществе⁴². Гуситы стремились придать своему движению международный характер, однако внутри страны, в условиях крестовых походов, восприятие человека, говорящего на другом языке обострилось ещё сильнее. Под подозрение попадали даже «местные»⁴³ немцы, примкнувшие к гусизму. Такая политика привела, в конечном счёте, к конфискациям владений потомков немецких переселенцев в Праге и резкому повышению процента чешского населения в городе.

Главное историческое значение гуситской революции П.Чорней видит в попытке осуществить реформу церкви силами всех христиан, которые ощущали необходимость изменений в обществе. Поэтому он завершает свой труд 1437 годом – годом, когда развеялись иллюзии, что «Четыре пражские статьи» могут стать программой для всех христиан⁴⁴.

Труды Й.Кейржа, Ф.Шмагела и П.Чорнея являются основополагающими для современной чешской историографии. В них подробнейшим образом описаны проблемы социально-экономического развития Чехии в гуситский и предгуситский период. Тем не менее, существует ряд проблем, более глубоко изученных в специальных работах, характеристике которых посвящён следующий раздел.

Во втором параграфе уделяется внимание анализу работ о конкретных социально-экономических проблемах. Так, вопросу, связанному с влиянием эпидемий на социально-экономическое развитие Чехии предгуситского периода уделяли внимание Э. Маур и Я. Чехура⁴⁵. Их исследования во многом дополняют материал, содержащийся в трудах Ф. Шмагела и П. Чорнея. Р.Новы подробно охарактеризовал состояние монетного дела в предреволюционной

⁴¹ Čorněj P. Velké dějiny zemí... S. 38-39.

⁴² Ibid. S.413.

⁴³ То есть родившиеся в Чехии потомки немецких колонистов.

⁴⁴ Čorněj P. Velké dějiny zemí... S. 666.

⁴⁵ Maur E. Morova epidemie r. 1380// Historická demografie 10/1986. S. 37-71; Čechura J. Mor, krize a husitská revoluce// Český časopis historický 2/1994. S. 286-303.

Чехии⁴⁶, подчеркнув его упадок, связанный как с оскудением чешских рудников, так и с общим ухудшением обстановки в стране.

Ряд исследований посвящён развитию городов в предгуситский и гуситский период. Среди городов, которым уделялось внимание в отдельных работах, можно назвать Прагу (Я.Мезник, М.Поливка⁴⁷), Пльзень (М.Белоглаvek, М.Поливка⁴⁸) и Хеб (Ф.Кубу⁴⁹). Учёные подробно рассматривают вопросы, связанные с хозяйственной и социальной жизнью городов, структуру населения и экономические предпосылки отношения населения к гусизму.

Свидетельства активного участия шляхты в гуситском движении, как на стороне католиков, так и утраквистов поставили перед чешскими исследователями задачу установления мотивов столь противоречивых действий. Для этого учёные обратились к анализу состояния и структуры шляхты в предгуситский период.

Среди исследователей, занимавшихся развитием шляхты и её участием в гуситском движении, следует выделить М. Поливку.

Автор прослеживает эволюцию всего дворянского сословия с XIII столетия, когда начинается процесс разделения шляхты на высшую и низшую, завершившийся в конце XIV века⁵⁰. По мнению М. Поливки, основное значение для положения мелкого дворянства имело его экономическое состояние. М.Поливка отрицает тезис о постепенной пауперизации шляхты в предгуситский период, говоря только об экономической стагнации⁵¹, подчёркивая при этом, что её широкое участие в гуситской революции вызвано не обнищанием, а неудовлетворённостью политических амбиций в существующей системе.

Особо следует выделить исследование Й.Юрока «Чешская шляхта и феодалы в средние века и раннее новое время», в котором автор обобщил все, что было написано об эволюции шляхты в этот период⁵². В центре внимания автора находятся следующие проблемы: происхождение и эволюция чешской шляхты, феодальное землевладение, столкновения влиятельных группировок,

⁴⁶ Nový R. Nominální a reálná hodnota mince doby husitské//Z pomocných věd historických VIII. Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica 2/ 1988. S.79-100.

⁴⁷ Mezník J. Praha před husitskou revolucí. Praha, 1990; Polívka M. K šíření husitství v Praze (Bratrstvo a kaple Božího těla na Novém Městě pražském v předhusitské době)// Folia Historica Bohemica 5/1983. S.95-118.

⁴⁸ Bělohávek M. Plzeň a chebský soudce// Soudce smluvený v Chebu. Sborník příspěvků přednesených na symposiu k 550. výročí «Soudce smluveného v Chebu». Praha, 1982. S. 41-43; Hejnic J. - Polívka M. Plzeň v husitské revoluci... Praha 1987.

⁴⁹ Kubů F. Cheb v době husitské//Soudce smluvený v Chebu.... S. 105-129.

⁵⁰ Polívka M. Předpoklady pro účast nižší šlechty v husitské revoluci (Klíčové problémy studia)//Historiografie čelem k budoucnosti. Sborník k šedesátinám akademika Jaroslava Purše. Praha, 1982. S. 205-224.

⁵¹ Ibid. S. 202-214.

⁵² Jurok J. Česká šlechta a feudalita ve středověku a raném novověku. Nový Jičín, 2000.

социально-экономические и конфессиональные проблемы, борьба аристократии за участие в деятельности земских учреждений, её роль в формировании культурных направлений эпохи.

Автор уделяет внимание наиболее влиятельным родам Чехии и Моравии при Люксембургах, отмечая усиление позиций панов из Дубе при Вацлаве и Сигизмунде, за которыми следовали паны из Вартенберка, Рожемберка и Градца, которые к тому же являлись богатейшими магнатами Чехии. Особенно влиятельными были паны из Вартенберка и Рожемберка, укрепившие своё могущество династическими браками и взаимным поручительством. Характеризуя развитие чешской шляхты в гуситский период, автор говорит о завершении процесса формирования и обособлении высшей и низшей шляхты. Кроме того, в политике значительную роль стали играть королевские города (особенно заметным стало их участие в земских и генеральных сеймах). Автор подчёркивает, что данный процесс не представлял собой чешской специфики, так как аналогичные явления имели место и в странах Западной Европы. В Чехии этот процесс произошёл в целом на 100-150 лет позже, чем во Франции, Англии и Испании, однако одновременно с Чехией подобные же явления наблюдались и в других государствах Центральной Европы; на их основании автор делает заключение о том, что такая задержка являлась типичной и нормальной для развития региона.

В третьей главе рассматриваются работы, посвященные политическому и идеологическому развитию гуситской Чехии.

В первом параграфе характеризуются новые акценты в изучении гуситской идеологии.

Специфику гуситского движения составляла его развитая идеологическая база, центром формирования которой стал Пражский университет, что позволило обосновать основные идеи гусизма на самом высоком для того времени интеллектуальном уровне. Поэтому основной комплекс работ, анализирующих гуситскую идеологию, в той или иной степени тематически связан с деятельностью пражского университета или его магистров.

В изучении гуситской идеологии можно констатировать преемственность, но многие аспекты проблемы получили дальнейшее развитие или поставлены по-новому.

Существенный прогресс достигнут в изучении вопроса о влиянии учения Виклифа на чешских идеологов гусизма⁵³. Можно констатировать, что гуситы восприняли наследие английского реформатора и творчески его переработали.

⁵³ Речь идёт о дискуссии, начатой ещё Ф.Палацким, К. Гёфлером и И.Лозертом. Немецкие учёные К. Гёфлер и И.Лозерт отстаивали точку зрения, согласно которой Гус и его последователи целиком заимствовали учение Виклифа и не были способны его критически осмыслить. Ф.Палацкий стремился опровергнуть их жёсткую позицию, доказывая, что учение английского реформатора послужило лишь одним из источников для идеологов гусизма. Polemica носила ярковыраженную национальную окраску.

Степень влияния Виклифа на отдельных идеологов была неодинаковой и неоднозначной. Наиболее последовательным виклифистом являлся Иероним Пражский. Гус заимствовал у английского реформатора многое, в частности учение о предопределении, а его социальную теорию существенно радикализировал; кроме того, на Гуса оказали влияние и «отечественные» предшественники. Один из главных идеологов гусизма, магистр Якоубек из Стржибра, хотя и выступал в защиту отдельных положений Виклифа, но в основном опирался именно на чешских мыслителей, в первую очередь, на Матея из Янова (Ф.Шмагел, Й.Кейрж, А. Мольнар, В. Герольд, Я. Кадлец⁵⁴).

Как самостоятельная проблема идеологии, в последние годы выделился вопрос о сущности гуситского иконоборчества, хотя он изучен ещё недостаточно. Тема в основном разрабатывается искусствоведами, которые уделяют внимание влиянию иконоборчества на развитие изобразительного искусства в гуситской Чехии, что является только одной стороной проблемы. Выступления против изображений Божества существовали задолго до христианства, и его следы обнаруживаются во всех средиземноморских культурах. Фактически каждая волна недовольства церковной политикой в Центральной и Западной Европе сопровождалась уничтожением символов церкви. Не избежали этого и гуситы. Долгое время одним из главных негативных последствий гуситского движения считали разграбление и уничтожение многочисленных памятников культуры. Гуситы изображались вандалами, беспощадно разрушавшими всё, что попадалось им на пути. Целью трудов современных учёных (в первую очередь, Й. Красы, К. Стейскала, Я.Хлибеца, П. Спунара⁵⁵) является стремление доказать, что гуситское иконоборчество являлось неизбежным этапом военных действий и не имело столь разрушительных последствий для развития чешской культуры, как это стремились представить противники гусизма. Исследователи анализируют взгляды лидеров гуситского движения (Яна Гуса, Якоубека из Стржибра, Яна из Рокицан) на проблему иконоборчества, обращая внимание современников на тот факт, что иконоборчество в Чехии не носило повсеместный характер и имело

⁵⁴ Kejř J. Husité...; Šmahel F. Husitská revoluce...; Molnár A. Poslední věci v pohledu Jakoubka ze Střibra//Směrování. Pohled do badatelské a literární dílny Amedea Molnára... Praha,1983. S. 61-66; Herold V. Pražská univerzita a Wiclif: Wiclifovo učení o ideách a geneze husitského revolučního myšlení. Praha, 1985; Kadlec J. Literární polemika mistrů Jakoubka ze Střibra a Ondřeje z Brodu o laický kalich//AUC - HUCP 1981. T.XXI. Fasc.2. S. 71-88.

⁵⁵ Все они, за исключением П. Спунара, являются историками искусства. См.: Krása J. Husitské obrazoborectví: poznámky k jeho studiu// Husitský Tábor 8/1985. S. 9-16; Krása J. Husitský biblicismus//České iluminované rukopisy XIII-XVI st. Praha, 1990; Krása J. Husitské obrazoborectví: poznámky k jeho studiu// Husitský Tábor 8/1985. S. 9-16; См, например: Spunar P. Kultura českého středověku. Praha, 1985; Stejskal K. Husitské ikonoborectví. // Dějiny a Současnost 1/1959, №5. S. 16-19, а также в главе «Husitství а umění» в книге: Praha středověka. Praha, 1983; Stejskal K. Funkce obrazu v husitství// Husitský Tábor 8/1985. S.19-28; Chlíbec J. Husitské obrazoborectví а meze jeho tolerance k výtvarnému dílu// Dějiny а Současnost 16/1994. №5. S.47-51; Chlíbec J. K vývoji názorů Jana Rokycany na umělecké dílo// Husitský Tábor 8/1985. S.39-56.

место только на раннем этапе движения. В дальнейшем гуситские вожди не только стремились максимально обуздать его, но и сами способствовали развитию изобразительного искусства.

Во втором параграфе оценивается изучение расстановки сил в гуситских лагерях современными чешскими исследователями. Очень важным вкладом в изучение структуры южночешского (таборитского) лагеря был анализ Ф.Шмагела⁵⁶. Он подчёркивает, что в предшествующий период чрезмерно преувеличивалась степень влияния таборских священников на руководство общиной. Он признаёт, что влияние священников в Таборе было велико, особенно на раннем этапе. Наряду с группой духовенства постепенно формировались и обычные органы власти, со временем ограничившие влияние священников. Они упрекали таборских проповедников в том, что они вмешиваются в мирские дела так же, как и критикуемый ими католический клир. Большое влияние духовенства имело место только в самом Таборе и, по мнению Ф.Шмагела, было вызвано тем, что таборитские священники являлись людьми незаурядными и способными не только в теологии, но и в военном деле, и в дипломатии (как, например, Прокоп Голый и Бедржих из Стражнице), а также обладали организаторскими способностями. Следует подчеркнуть, что вопрос о таборской теократии, поставленный в предшествующий период Я.Боубином, был серьёзно скорректирован Ф.Шмагелом. По видимому, именно противоречия с таборскими проповедниками побудили Жижку уйти из города и основать новую общину на востоке Чехии, опираясь на оребитское братство. Характеризуя взаимоотношения Старого и Нового Табора, Ф.Шмагел подробно останавливается на структуре «полевой» общины таборитов и сирот. Новаторским у Ф.Шмагела является изучение полевых общин как специфического образования внутри гуситских лагерей. Автор подчёркивает, что «домашняя» община и «полевое» братство представляли собой автономные организации со своими гетманами и казной. Связь между ними изменялась в соответствии с обстоятельствами. Полевые братства таборитов и сирот в случае военных конфликтов выступали как единое целое, подчиняясь авторитету Прокопа Голого⁵⁷.

Ф.Шмагел констатирует, что в отличие от таборской «домашней» коммуны, чья трёхступенчатая система самоуправления хорошо изучена, внутренняя организация полевых войск до сих пор остаётся во многом покрытой завесой мрака. Сохранились отрывочные сведения о структуре управления, согласно которой возглавлял общину гетман, отвечавший за военные и

⁵⁶ Šmahel F. Dějiny Tábora... S. 378-391. Подробнее см.: Šmahel F. Organizace a skladba tábořské strany v letech 1420-1434// Husitský Tábor 9/1986-1987. S. 7-90; Šmahel F. Tábořští vladáci// Folia Historica Bohemica 4/1982. S.83-125; Šmahel F. Základy města: Tábor 1432-1452// Husitský Tábor 5/1982. S. 7-133; Šmahel F. Tábořská obec a městská samopráva v letech 1420-1452// Husitský Tábor 6-7/1983-1984. S. 145-180.

⁵⁷ Šmahel F. Organizace a skladba tábořské strany v letech 1420-1434... S. 44.

религиозные вопросы. Ниже гетмана находился совет «старших» - влиятельный орган, имевший постоянный состав. Больше никакой информации не сохранилось, наверняка нельзя говорить даже о способе распределения военной добычи⁵⁸. Со временем, полевое братство из сугубо военной организации превратилось в самостоятельную и суверенную корпорацию. Военную субординацию и добровольную религиозную принадлежность в политико-гражданской сфере регламентировали федеративные альянсные отношения. Собственно, таборитская структура, включавшая в себя и полевое братство, представляла собой довольно специфическую систему, приспособленную для военного времени⁵⁹.

Рассматривая управленческую структуру самого Табора периода гуситской революции, Ф. Шмагел приходит к заключению, что она представляет собой смесь старых и новых организационных форм только на первый взгляд, в то время как в первые годы революции новые формы явно доминировали. После сдачи города войскам Иржи из Подебрад 1 августа 1452 года, автономия Табора существенно ограничилась, были проведены реформы, исходившие из внутренних потребностей города, активно развивалась цеховая система, завершая эволюцию Табора из формально королевского и реально республиканского в типичный средневековый королевский город⁶⁰.

Взаимоотношения таборитов с пражанами рассматривали также Й.Кейрж, Б.Зилинский и Я.Боубин⁶¹. Они обращают внимание на сложность этих отношений и их переменчивый характер. Подчёркивается глубокая разница во взглядах таборитов и пражан и принципиальная невозможность их духовного единства.

Несомненное научное значение имеет исследование Я. Урбана, посвященное развитию гусизма в Восточной Чехии⁶² и взаимоотношениям оребитского братства с пражанами и восточно-чешской шляхтой. Подчёркивается, что особенностью восточно-чешского союза было тесное взаимодействие всех слоёв населения. По мнению Я.Урбана это было обусловлено более слабой по сравнению с остальными регионами позицией церкви, большим процентом королевских городов с незначительным немецким элементов в них, а также поддержкой гусизма крупнейшими феодалами. Анализируя характер братства, Я.Урбан обращает внимание на отсутствие жёсткой организационной структуры, когда гуситы региона объединялись

⁵⁸ Šmahel F. Organizace a skladba tábořské strany v letech 1420-1434... S.45.

⁵⁹ Ibid. S.49.

⁶⁰ Šmahel F. Dějiny Tábora. D.I, sv. II... S. 384-390.

⁶¹ Kejř J. Mistři pražské univerzity a kněží taborští. Praha, 1981; Zilynskyj B. Pobytu tábořského vojska v Praze roku 1420// Tábořský archiv 3/1991. S.9-23; Boubín J. Epizoda z dějin pražsko-tábořských vztahů za husitské revoluce// Folia Historica Bohemica 5/1983. S.119-150.

⁶² Urban J. Husitství ve východních Čechách do Žižkova příchodu (I)//Historie a vojenství 40/1991. №.6. S.3-23.

только в случае необходимости. Среди лидеров оребитского союза Я.Урбан особенно выделяет влиятельных магнатов Ченека из Вартенберка, Гинека Крушину из Лихтенберка и священника Амброжа, обращая внимание на существенное различие установленным Амброжем в Градце Кралове порядком и собственно братством, где основу составляла утраквистская шляхта. Особенно подчёркивается важная роль верховного гетмана и лидера восточных гуситов Гинека Крушины из Лихтенберка в создании и функционировании союза. Более того, Я. Урбан приходит к заключению, что именно личность Гинека Крушины являлась единственным объединяющим фактором этого своеобразного добровольного «братства», представленного практически всеми слоями свободного населения.

В третьем параграфе рассматривается вклад современных исследователей в изучении международных аспектов гуситского движения.

Гуситская проблема и всё, что её окружало, была одной из важнейших проблем в Центральной Европе⁶³. Война против гуситов была связана, в том числе, и с закулисной политической борьбой за передел власти и будущей организации империи.

Наибольший интерес у современных гуситологов в сфере международных связей гуситов в последние годы вызывают переговоры с католиками в Хебе и Базеле. Этой теме были посвящены конференции, на основе которых вышли сборники⁶⁴. Оценивая международную обстановку в начале 30-х гг. XV века, исследователи (А.Мольнар, Ф. Шмагел, Й. Кейрж, Ф.Кавка, И. Главачек, М.Поливка) подобно характеризуют все её аспекты, позицию папы, императора, делегатов собора, представителей различных гуситских лагерей. Они подчёркивают, что внутри католического лагеря не было единства, поэтому с помощью оружия победить гуситов не удалось. В свою очередь, в Чехии население устало от войны и стремилось к миру. Таким образом, именно стремление заключить мир, хоть и обусловленное разными причинами, привело католиков и гуситов в Базель.

Также нам представляется важным отказ от оценки Йиглавских компактатов как неудачного для гуситского лагеря компромисса. Современные исследователи подняли престиж мирного договора, заключённого в Йиглаве, подчеркнув, что никогда ранее церковь не признавала никаких отклонений от веры и таким образом признание, хоть и в урезанном виде, программы умеренных гуситов стало важным историческим прецедентом (Ф.Шмагел, Й.Мацек).

⁶³ Šmahel F. Contra bohemos. Česká otázka v Evropské politice 1420-1431//Soudce smluvený v Chebu. Sborník příspěvků přednesených na symposiu k 550. výročí «Soudce smluveného v Chebu». Praha, 1982. S. 189-201.

⁶⁴ Soudce smluvený v Chebu. Sborník příspěvků přednesených na symposiu k 550. výročí «Soudce smluveného v Chebu». Praha, 1982; Jihlava a Basilejská kompaktáta. Sborník příspěvků z mezinárodního symposia k 555. výročí přijetí Basilejských kompaktát. Jihlava, 1992.

Четвёртая глава посвящена анализу оценки роли отдельной личности в гуситскую эпоху.

В первом параграфе автором рассмотрены работы, характеризующие деятелей гуситского движения: гуситских лидеров Яна Гуса, Яна Жижку, Яна из Пршибрама, Бедржиха из Стражнице, католика Гилария Литомержицкого, государственных лидеров императора Сигизмунда Люксембургского и чешского короля Вацлава Люксембургского.

В исследованиях современных гуситологов, посвящённых Яну Гусу, особо следует отметить стремление отказаться от идеологических пристрастий (это подтверждает и название конференции «Ян Гус среди эпох, наций и конфессий»⁶⁵), найти его место в истории и выработать общий подход в отношении к Гусу⁶⁶. Принципиально новую точку зрения представил Й. Кейрж в своём исследовании о процессе Гуса в Констанце⁶⁷. Учёный проанализировал ситуацию не с точки зрения эмоций, а в плане действовавших тогда правовых норм. Главная ошибка Гуса заключалась в том, что он полагал, что едет на диспут, а он был вызван на суд, который проходил по нормам инквизиционного права. Было доказано, что взгляды Гуса противоречили ряду принципиальных положений официального вероучения. В этой ситуации отказ Гуса отречься от своих взглядов логически привёл к его осуждению как закоренелого еретика. Поэтому, констатирует Й.Кейрж, с точки зрения церковного канонического права, собор не допустил нарушений. Для католической церкви Ян Гус был и остаётся еретиком, поэтому реабилитация Гуса является проблематичной и в настоящее время.

Уточняются и дополняются различные факты, связанные с деятельностью Яна Жижки. Ему, в частности, был посвящён симпозиум, прошедший в конце 2004 года⁶⁸. Примером уточнения ряда фактов может служить и коррекция битвы у Малешова, проведённая П.Чорнеем, которая, несмотря на существенные фактические изменения, не отнимает у полководца его заслуг⁶⁹.

В последние годы исследователи стали также уделять больше внимания консервативному лагерю гуситов. Чешские учёные отказались от оценки представителей лагеря как беспринципных соглашателей стремившихся заключить мир с церковью любой ценой. Это проявилось, прежде всего, в изменении оценки их признанного лидера Яна Пршибрама. Характеризуя его, современные исследователи (прежде всего, Я.Боббин) подчёркивают, что реальный Пршибрам далёк от образа крайнего консерватора, приписанного ему в

⁶⁵ Jan Hus mezi epochami, národy a konfesemi. Sb. Mezinárodního symposia konaného 22-26. září 1993 v Bayreuthu. Praha, 1995.

⁶⁶ См. сборник Husitský Tábor. Supplementum I. Tábor, 2001.

⁶⁷ Kejř J. Husův proces. Praha, 2000.

⁶⁸ Сборник, посвящённый симпозиуму, находится в печати.

⁶⁹ Čornej P. Žižkova bitva u Malešova 7. června 1424 (Příspěvek ke kritice Starých letopisů českých)//JSH XLIX/1980. № 3. S.152-164, а также в: Čornej P. Tajemství českých kronik. Cesty ke kořenům husitské tradice. Praha, 1987.

предшествующий период⁷⁰. Если ранее отмечалось, что единственное, что осталось в нём от гусита – причащение под двумя видами, в настоящее время именно этому фактору уделяется особенное внимание. Он остался гуситом и патриотом (именно это и обусловило его полемику с таборитами, которых он обвинял в плачевном состоянии Чехии).

К числу незаслуженно «забытых» персонажей следует отнести Бедржиха из Стражнице, ключевую фигуру позднего Табора, охарактеризованного Мольнаром⁷¹. Автор подробно проследил непростой жизненный путь своего героя, его взгляды и политическую деятельность. Особенно важно с нашей точки зрения, что А.Мольнар своей работой привлёк внимание к истории «постлипанского» Табора, которая изучена недостаточно.

Второй параграф посвящен оценке деятельности чешского и римского короля Вацлава IV. Среди работ, посвящённых Вацлаву IV можно выделить как отдельные монографии (Й. Спевачек⁷²), главы в монографиях (П. Чорней, Я.Чехура⁷³), так и специализированные статьи (Ф. Шмагел⁷⁴). Современные исследователи более объективно оценивают его роль. В специальном исследовании Й.Спевачек подробно описывает политические условия, в которых жил Вацлав IV, обстоятельства потери имперской короны и усилия, предпринятые королём для её возвращения. Й.Спевачек обращает внимание на то, что период борьбы за корону совпал с зарождением гуситского движения и попыток церкви преодолеть кризис. Подчёркивается, что король пытался использовать деятельность Гуса в своей политической игре; именно эти соображения, а не убеждённость в необходимости реформ побудили Вацлава взять Гуса под свою защиту. Но объективно позиция Вацлава IV сыграла положительную роль, так как позволила зарождавшемуся движению набрать силу.

В третьем параграфе оценивается деятельность императора Сигизмунда Люксембургского. Её исследовали Ф. Кавка, В. Држка, а также она затрагивается в творчестве П. Чорнея, Й.Кейржа и М. Поливки⁷⁵.

Личность и деятельность Сигизмунда Люксембургского - короля и императора – в Чехии привлекла внимание только в последние годы. Младший

⁷⁰ Jan z Příbramě. Život kněží tábořských/Výdal J. Boubín. Příbram, 2000.

⁷¹ Tábořský kněz a hejtman Bedřich ze Strážnice//Molnár A. Na rozhraní věků. Cesty reformace. Praha, 1985.

⁷² Spěvaček J. Václav IV. 1361-1419. Praha, 1986.

⁷³ Čornej P. Tajemství českých kronik. Praha, 1987; Čechura J. Česká země v letech 1378-1437. Lucemburkové na českém trůně. II. Praha, 2000.

⁷⁴ Šmahel F. Blasfemie Rituálu? Tři pohřby krále Václava IV//In: F. Šmahel, Mezi středověkem a renesancí. Praha, 2002. S. 161-175. См. также в: Pocta prof. JUDr Karlu Malému, DrSck k 65. narozeninám. Uspořádal L. Soukup. Praha, 1995. S. 133-143.

⁷⁵ См., например: Kavka F. Zikmundova politika let 1429-1434 a husitství// Husitský Tábor 8/1985. S.89-104; Kavka F. Poslední Lucemburk na českém trůně. Praha, 1998; Drška V. Zikmund Lucemburský. Liška na trůně. Praha, 1996; Čornej P. Tajemství....; Kejř J. Česká otázka na Basilejském koncilu// Husitský Tábor 8/1985. S.107-132.

сын императора Священной Римской Империи Карла IV, король Венгрии и Чехии, он благодаря исключительно своим личным достоинствам сумел стать императором.

В Чехии он не был популярен и негативная оценка, данная ему чешскими хронистами, просуществовала практически без изменений с XV века до 80-х годов XX века. Только в последние годы завеса, скрывавшая личность и деятельность императора Сигизмунда, начала постепенно приоткрываться. Наиболее серьёзным исследованием чешских учёных, посвящённым императору, стала работа Ф.Кавки. Его монография «Последний Люксембург на чешском троне», является естественным результатом многолетних исследований учёного и посвящена анализу деятельности последнего чешского государя из династии Люксембургов, главы Священной Римской империи, короля Венгрии и Чехии. В своём стремлении обелить Сигизмунда Ф. Кавка опирается преимущественно на источники антигуситского лагеря. Единственное исключение составляет «Гуситская хроника» Лаврентия из Бржезовой, к данным которой автор относится с осторожностью, справедливо считая Лаврентия выразителем взглядов чешского бюргерства⁷⁶.

Ф.Кавка всесторонне характеризует взаимоотношения Сигизмунда с гуситами и его сторонниками из числа чешской католической шляхты, отмечая важную роль Сигизмунда в процессе переговоров гуситов с делегатами Базельского собора, а также его стремление как можно быстрее установить мир. Это было обусловлено внешней политикой Сигизмунда, в первую очередь стремлением стать законным коронованным императором и чешским королём.

Оценивая книгу в целом, следует отметить, что её можно считать значимым вкладом в исследование сложной проблемы соотношения чешской и имперской политики и роли в ней гуситского движения и короля Сигизмунда Люксембургского. Не приходится сомневаться, что эта монография является достойным продолжением начатых ранее исследований, посвящённых деятельности последнего Люксембурга на чешском троне.

В заключении приведены основные выводы работы.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что в настоящее время чешские исследователи продолжают изучение ряда тем, характерных для гуситологии; вместе с тем в последние годы выделился ряд новых проблем; многие вопросы остаются ещё неизученными.

В последние годы в Чехии продолжается работа по розыску, анализу и публикации источников гуситского периода. Ведётся активная работа по переводу на современный чешский язык и изданию материалов, ранее не изданных совсем, или издававшихся частично. Предлагаются новые интерпретации известных документов, а также обзорные статьи, посвящённые архивам. Их комплексный анализ позволяет более глубоко изучить гуситское

⁷⁶ Kavka F. Poslední Lucemburk... S.81.

движение, исправить недостатки предшествующей литературы по этому вопросу. Благодаря расширению возможностей для изучения зарубежных архивов, начата очень важная работа по введению в научный оборот городских архивов Германии и первые результаты выглядят весьма убедительно.

Современные чешские гуситоведы продолжают уделять внимание вопросам, связанным с эволюцией городов на протяжении всего гуситского периода. При этом в отличие от историографии социалистического периода, интерес вызывают не только крупные гуситские центры (Прага, Табор), но и небольшие города. Анализируется проблематика взаимоотношений между отдельными местечками и центром, причины сочувствия или противодействия их жителей гуситскому движению.

Наряду с рассмотрением крупных проблем в обобщающих трудах, много внимания уделяется частным вопросам в рамках традиций микроистории. Результаты своих исследований чешские учёные публикуют на страницах сборников «Husitský Tábor», «Mediaevalia historica Bohemica» и «Folia historica Bohemica».

Снятие идеологических догм, рассматривавших гусизм только как движение низов, с одной стороны, и знакомство с достижениями современной зарубежной историографии с другой, способствовало более разносторонней оценке причин и характера гуситского движения и, а также пересмотру его периодизации. И ранее учёные пришли к выводу, что гусизм стал следствием сочетания целого комплекса социально-экономических, политических, религиозных и национальных причин. Современные же учёные расширили границы исследований и показали события в Чехии на фоне факторов общеевропейского развития, таких как климат, урожайность, конъюнктура рыночных цен, подчеркнув повсеместный упадок и нестабильность в Европе, отметив неизбежность социального взрыва именно в Чехии. Характеристика гусизма как явления многопланового позволила сдвинуть верхние границы движения до 1485 года.

Продолжает уделяться большое внимание вопросам, связанным с гуситской идеологией. Такие традиционные аспекты идеологии, как влияние виклифизма на взгляды гуситов или вопрос о чешских предшественниках Яна Гуса утратили свою идеологическую остроту и рассматриваются с объективных позиций.

Среди новых выводов современных исследователей, касающихся Яна Гуса, особо следует отметить стремление отказаться от идеологических пристрастий и найти его место в историографии разных стран и выработать более объективный подход по отношению к взглядам Гуса. Важно подчеркнуть, что в последние годы намечается отход от так называемого «гусоцентризма», характерного исследователям начиная с Ф. Палацкога, когда все исследования так или иначе затрагивали Гуса. Современными учёными признаётся значение

деятельности Якоубека из Стржибра не только как последователя Гуса, но и как самостоятельного идеолога, наравне с Гусом разработавшего основные положения учения гуситов.

В последние годы исследователи стали также уделять больше внимания консервативному лагерю гуситов. Чешские учёные отказались от оценки представителей лагеря как реакционных и стремившихся заключить мир с католиками ценой завоеваний гуситов. Это проявилось, прежде всего, в изменении оценки их признанного лидера Яна Пршибрама. С сожалением надо признать, что объективная оценка консервативного лагеря ещё не написана.

Интерес к католическому лагерю привлёк внимание к архивным материалам Германии и Австрии, ранее не востребованным, тогда как в них содержится очень важная информация, прежде всего касающаяся взаимоотношений гуситов с другими странами. Подчёркивается, что состав католического лагеря не был однородным, и католики не выступали единым фронтом. Суть взаимоотношений между чешскими католиками и, к примеру, католическими городами империи, императором Сигизмундом и папской курией, - все эти темы – предмет настоящих и будущих исследований.

Характеризуя политические события, современные чешские исследователи акцентируют своё внимание на расстановке сил в гуситских лагерях и событиях, окружавших мирные переговоры гуситов с католиками на всех этапах их развития. Особенно подчёркивается сложность и многоплановость взаимоотношений в гуситских лагерях на всех уровнях: между пражанами и таборитами, таборитами и оребитами, оребитами и пражанами, Жижкой и таборитами, и особенно внутренняя структура гуситских лагерей. Исследователи подчёркивают существенные отличия между лагерями в разный период, а также постоянные колебания их представителей в консервативном или радикальном направлении. В частности обращено внимание на огромную роль гуситского духовенства во всех сферах жизни, в связи с чем выдвинут термин «гуситская теократия».

Новые веяния и выводы не обошли стороной и оценку отношений гуситов с внешним миром. Можно даже говорить о принципиальном изменении объекта исследования. Основное внимание учёных в последние годы привлекает анализ не события как такового, а его значения в международном контексте, что автоматически расширяет тему исследования. Добавление новых факторов в хорошо известную картину событий в ряде случаев меняет их значение. Так, в марксистской литературе сильно преувеличено влияние гуситских идей на Европу. В этом контексте по-новому оценивается фигура Сигизмунда Люксембургского. Современные чешские исследователи отказались от упрощённой характеристики Сигизмунда как единственного и главного организатора антигуситского движения. Показано, насколько сложной было положение самого императора и венгерского короля, который сталкивался не

только с проблемой гусизма, но и с необходимостью противостоять турецкой угрозе, преодолеть церковный раскол и решать внутренние задачи империи. Поэтому проблема гуситской Чехии для него была важной, но не единственной, что во многом определяло его позицию и к Гусу, и к гуситской Чехии.

Это связано с тем, что каждый факт обнаружения гуситского манифеста воспринимался как факт сочувствия в регионе гусизму, что не отвечало реальному положению дел. Иначе представляются и «заграничные походы» полевых войск. Учёные социалистического периода расценивали эти походы как «агитационные», в то время как современные исследования доказали, что проповедь гусизма носила второстепенный характер. В первую очередь следовало нанести противнику военное поражение, а не ждать нового крестового похода. На последнем же этапе походы гуситов превратилась в жизненно важный процесс снабжения армии.

Наряду с теми достижениями, о которых было сказано выше, многие темы ушли из поля зрения исследователей. Прекратилось развитие темы таборского хилиазма – очень важного этапа в истории радикального гусизма. Понимая хилиазм как всплеск религиозного фанатизма, справедливо сошедший со страниц истории, современные учёные скорее игнорируют факт его существования, чем стараются найти ему объективное место в истории гуситской революции.

Также с сожалением необходимо признать, что снизился интерес учёных и к экономической истории гуситской Чехии. Хотя вопрос социально-экономического характера и затрагивался, но лишь в контексте частных исследований по другим проблемам. Отдельного труда, посвящённого экономике Чехии эпохи гусизма, основанной на современных фактах, пока не создано.

В целом можно констатировать, что чешская гуситология последнего двадцатилетия сохраняя определённый континуитет с предшествующей историографией, одновременно преодолела изоляцию от мировой исторической науки.

Следствием указанных политических изменений в Чехословакии стало расширение как источниковой базы, так и спектра исследуемых проблем, что явилось первым шагом к преодолению так называемого национального провинциализма. В новейших трудах основные события гуситской революции современные учёные стремятся рассматривать в общеевропейском контексте. Этот подход способствует тому, что многие аспекты истории гусизма трактуются более широко и объективно. В частности здесь нужно отметить концепцию ранних революций, сформулированную исследователями Ф.Зайбтом и Г. Камински. Более того, чешская историография сумела оказать влияние и на развитие европейской исторической науки. Сформированная А.Мольнаром и Р.Каливодой теория первой и второй реформации (вальденско-гуситская и

протестантская) занимает сейчас влиятельные позиции в мировой историографии.

Таким образом, изученный в нашей работе период является, с одной стороны, творческим продолжением предшествующего этапа, а с другой стороны, значительным шагом вперёд в изучении гуситской проблематики.

Публикации по теме диссертации

1. Литература как инструмент борьбы за новые идеи в Чехии XV века// Сб.: Зарубежные славяне в прошлом и настоящем. М.: Диалог-МГУ, 1999. С.37-56. – 0,8 п.л.

2. Культура Чехии в период гуситского движения (1419-1471)// Сб. Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. VI Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. 25-27 марта 1999 г. Тезисы докладов. Сыктывкар: СГУ, 1999. С. 18-19. – 0,1 п.л.

3. К вопросу о чешском искусстве в гуситский период (1419-1471)// Сб. Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. VII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. 29-31 марта 2001 г. Тезисы докладов. Сыктывкар: СГУ, 2001. С.30-31 – 0,1 п.л.

4. Сигизмунд Люксембургский (1368-1437) как политик//Вопросы истории славян. Сборник научных трудов. Выпуск 15. Воронеж, Изд. Воронежского государственного университета, 2001. С. 49-68. – 1 п.л.

5. Новый подход в чешской историографии к источниковой базе гусизма (80-90-е годы XX века)//Вопросы истории славян. Сборник научных трудов. Выпуск 16. Воронеж, Изд. Воронежского государственного университета, 2004. С. 221-234. – 0,8 п.л.

6. Rozvoj české husitologie od r. 1989 do r. 2005//Husitský Tabor 15/2006. S. 319-367. – 2 п.л.

7. Рец на книгу: Я. Боббин «Пётр Хельчицкий: мыслитель и реформатор» (Jaroslav Boubín. Petr Chelčický. Myslitel a reformátor. Praha Vyšehrad 2005)// Славяноведение. В печати. 0.2 п.л.